

Мирослав Кульчицкий

Из книг «Сафари» и «Germania»

Реппио

Пассаджио дьядо реппио. Виa росси ля реппио больцано пре-больцано. Решио дьядо виa коппо ля реппио. Поццо нуччио дьядо реппио. Тянуччо, поццо тянуччо – виa тянуччи неомоджо. Поццовало дьядо бьябо. Дьядо дзареппи, бьябо задьядо, тянуччо поццо тянуччо – виa тянуччи неомоджо. Поццовало дьядо внуччо. Дьядо дзареппи, бьябо задьядо, внуччо забьябо – виa тянуччи неомоджо. Поццовало дьядо джуччи. Дьядо дзареппи, бьябо задьядо, внуччо забьябо, джуччи завнуччо – виa тянуччи неомоджо. Поццовало дьядо коццо. Дьядо дзареппи, бьябо задьядо, внуччо забьябо, джуччи завнуччо, коццо заджуччи – виa тянуччи неомоджо. Поццовало дьядо мыццо-норуццо. Дьядо дзареппи, бьябо задьядо, внуччо забьябо, джуччи завнуччо, коццо заджуччи, мыццо-норуццо закоццо, тянуччо поццо тянуччо – виa тянулли ля реппио! Грация, мыццо-норуццо!

Лещ

– Коротить ево нада, лещча тваво сахатова, лещч-та ейтый всейный абзор заслонят...

– Коротить, тудый-растудый... Так ить семянил я ево, пылевал... Тай вашче, из лещча-та ейтава – знаш кака колеса? На колесе ейтай – знаш... Аж да ейтой... – да Казани...

– Семянил, тудый-растудый, пылевал... Так ить заслонят ейтый лещч всейный абзор, пазырь-ка – выпрастался како из себе

весь... Каки башня ейта кремлева, че в Маскве-та... Та й колеса-та – не та колеса, че прям на ей да Казани аж... Можт да Рязани, кудай-никудай, а чеб да Казани-та ейтой...

– Да Рязани, тудый-растудый... Та ейтой колесе, че из лешча-та ейтава, чеб на ей да Рязани-та – эта тьфу, не боле таво... Да Казани на колесе-та ейтой – ейто ишо шче, на ей ейта ить – и да Сызрани, ай таво боле...

– Да Сызрани, тудый-растудый... Екойна хватил-та – да Сызрани... Да Сызрани-та ейто како атседа да Рязани, аттеда – да Казани, а аттеда – да седа... Да Сызрани-та ейтай... Та й колеса-та – из лешча, ани из чавойта тама такова-растакова... Ейто да какойнава лешч выпрастеаца из себе, чеб из няво такейна колеса, чеб на ей да Сызрани-та, а? Лешч-та ейтый не токи тады абзор заслонят, а й свет всейный околи-й-акруг!.. Коротить нада лешча-та, доки ат абзора ейтава ишче чавойта есь...

– Коротить, тудый-растудый... Так ить ежли коротить тапери-ча, а ни каки выпрастеаца из себе хуч бы да середины, колеса-та из няво – тьфу, не боле таво... На колесе-та ейтой тады не боле каки атседа да Рязани впалавину, а то й вчверть...

– Впалавину, тудый-растудый... Та й хуч бы й впалавину – ить с абзором-та!.. А ежли с абзором – никако, тады – како? Тады й вчверть – никако... Тады можт токи впалавину чверти, не боле таво... А стакейным абзором, кады лешч выпрастеаца да самай середины, то й вчверть чверти – ужт кудай-никудай...

– Кудай-никудай, тудый-растудый... Я-та, тудый-растудый, семянил-пылевал ни в кудай-вникудай, а в лешч ейтый сахатый, тудый ево вростудый!.. Я тако семянил-пылевал, како атседа да ейтой, тудый-растудый, Сызрани, а аттеда да седа взад – трикраты, и боле таво!..

– Семянил-пылевал, тудый-растудый... Хуч кудай ни семянил-пылевал, ан абзор-та – ни тудый, ни растудый... А ить без абзора-та ейтава – никако, тудый-растудый...

– Тудый-растудый... Пылевал ить, семянил...

– Пылевал-та – пылевал, семянил-та – семянил, аить – ни тудый, ни растудый...

– Кудай-никудай – ни тудый, ни растудый... Эх!..

– Эх, кудай-никудай, ан ни тудый – ни растудый... Э-эх!..

- Э-эх!..
– Э-эх!..
- Эх куда́й да-вникуда́й
– Эх туды́й да-врасуды́й!
- Э-э-эх!
- Эх куда́й да-вникуда́й
Эх туды́й да-врасуды́й!
- Э-э-эх! Э-э-эх!
- Эх куда́й да-вникуда́й
Эх туды́й да-врасуды́й!
- Эх! Эх! Эх! Эх!
- Эх куда́й да-вникуда́й
Эх туды́й да-врасуды́й!
- Эх! Эх! Эх! Эх!
- Из сахатова лешча
Аки башня колеса
На такейной колесе
Да Рязани да Казани
Хуч да самай да Масквы!
- Эх! Эх! Эх! Эх!
Эх! Эх! Эх! Эх!
- Хуч бы ейта колеса
Аки башня велика
Хуч на ейтай колесе
Да Рязани да Казани
Хуч да ейтай бы Сызрани
Хуч на ей бы й да Масквы

Без абзора ан никако
Ни тудый ни растудый
Ни тудый д-ни-растудый!

– Эх! Эх! Эх! Эх!
Эх! Эх! Эх! Эх!

– Семянил-та семянил
Пылевал-та пылевал
Ан никако никудай
Ни атседа ни даседа
Ни аттеда ни датеда
Ни тудый д-ни-растудый
Эх кудай д-враскудай
Эх тудый д-врастудый
Эх кудай д-враскудай
Эх тудый д-врастудый!

– Эх! Эх! Эх! Эх!
Эх! Эх! Эх! Эх!

– Э!.. Пазырь-ка... Лешч-та... эта... - пылятел!.. Вона – лятит вне-
беси каки ероплан...

– Ыть!.. Тудый-ево-врастудый... Эта... Эта ж – како?...

– Како-како, тудый-врастудый! Пылевал-та – пылевал,
семянил-та – семянил, а апкальцывать – не апкальцывал!..

Германия

Бывает, я думаю о том, что довольно лишь одного шага, чтобы очутиться в пронзительно ясном мире моей несравненной Германии... И где бы эти раздумья меня не настигали, на душе у меня тотчас же становится легко, и всяческие житейские хлопоты и неприятности, всяческие мерзости окружающей жизни разом теряют для меня свой облик, свою значимость: насущная надобность разобрать конторские бумаги (сам я – скромный служащий

государственного учреждения) перестает казаться обременительной, лица сослуживцев – отвратительными, измены жены – непростительными, ну, а глупые сетования стариков родителей («И когда он, наконец, возьмется за ум, проявит себя, продвинется по службе; это с его-то способностями – и довольствоваться таким скромным местом!») и вовсе превращаются в пустяк, не заслуживающий и толики внимания. Справедливости ради надо сказать, что упомянутые вещи никогда не досаждают мне беспрестанно, ибо зачастую мне случается глядеть как бы сквозь них, близко к душе их не принимая, чему я во многом обязан тем, что сохраняю надежды на лучшее. Однако же бывают в моей жизни и, что называется, «черные полосы», когда эта грузная реальность будней наваливается всюю своей тяжестью: тогда в моем заволоченном небе не увидеть ни звездочки, – и тогда уж все мне не так, все меня раздражает... Если же попытаться взглянуть на мою жизнь взглядом стороннего наблюдателя, она, пожалуй, представится самой что ни на есть обыкновенной: на службе я неприметен: обязанности свои исполняю в меру исправно, в меру заискиваю перед начальником, в меру браню подчиненных; с женой – мягок, уступчив, семейных баталий избегаю, предпочитая сдавать позиции без боя; с родителями – вежлив, предупредителен... Разве что странности мои как-то отличают меня от окружающих: например, прямо-таки рафинированное наслаждение доставляет мне изучать, стоя у окна конторы, в которой я служу, подробности развернутого передо мной пейзажа: шиферные крыши, серебристые купола, кирпичные печные трубы, задымленное чердачное оконце, заржавленная спираль лестницы, прогнутый жестяной карниз... Бывает, это поглощает меня целиком, и я начисто забываю о служебных обязанностях – знай себе стою у окна, покуда недоуменный голос какого-нибудь сослуживца («И что вы там увидели, чтоб так долго туда глядеть?») не возвратит меня, как говорится, к реальности. Не могу удержаться, чтобы не сказать о другой моей (на этот раз сугубо домашней) странности, прямо-таки детской забаве: держать над бокалом с водой кисточку, обмокнутую в тушь, дожидаясь, когда стремительная черная частица, внезапно сорвавшись, вонзится в прозрачное вещество, прочертит его насквозь и, разбившись о хрустальное дно,

всклубится подвижными волокнами, как будто расположенными к тому, чтобы сложиться в замысловатый рисунок китайской гравюры... Но никому невдомек, что по-настоящему я живу лишь тогда, когда мне удастся, улизнув со службы ранее положенного часа, побродить по моим любимым вечерним улицам, по тихим малолюдным улицам, где особенно теплы мысли об уютной комнате, сулящей тихий ручеек беседы и томление вина в прозрачном застенке бокала... И кажется, вот-вот вынырнет из-за угла допотопный краснобокий омнибус, – вернее, трясущийся кеб (наподобие тех, в которых ездил недотепистый доктор Уатсон), с неизменным кебменом – цилиндр, кнут, бакенбарды, – бросающим надменные взгляды с высоты своих козел, – по улицам, где мне так легко погрузиться в сладкие грезы о Германии, которая, кажется, так близка, – вот только сделай шаг... Но неотвязна мысль: каково будет потом, когда настанет час держать ответ перед собою и перед Богом за то, что этого шага не сделал, за нерешительность, коей обрек себя на бесполезно проживаемые годы, лишил себя счастья жить в едином ритме с великой Германией, счастья ощущать, как течет кровь в ее артериях, как бьется под надежной броней Круппа ее пламенное сердце...

